

И. В. Казаков

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ПРОИЗВОДСТВО СМЫСЛОВ В ДИСКУРСЕ

Илья Викторович Казаков — аспирант департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ассистент кафедры философии и теологии Псковского государственного университета. Для связи с автором: i.v.kazakov@list.ru.

Аннотация. В статье предложена концептуализация политического факта как семиотического знака, базирующаяся на моделях Пирса, переосмысленных рядом современных исследователей и наполненных дискурсивным содержанием. Факты определяются как обладающие иллокутивной силой высказывания, репрезентирующие некоторое положение вещей для ума, который интерпретирует эту репрезентацию в качестве достоверной. Политические факты отличаются от прочих тем, что процесс их интерпретации мотивирован политически, то есть прагматически и нормативно. Факт также рассматривается как частный случай речевого акта: вслед за Джоном Сёрлем автор считает, что подобного рода акты всегда иллокутивны, хотя между структурой высказывания и предполагаемым действием не всегда имеется прямая связь.

На основе такого понимания фактов и пирсовской классификации интерпретантов выстроена семиотическая типология фактов. Выделены восемь типов фактов в зависимости от позиции интерпретанта по отношению к знаку. Все типы фактов располагаются в умозрительной трехмерной модели, которая в статье представлена в виде трех таблиц. Раскрываются возможные предпосылки, определяющие выбор субъектом того или иного варианта интерпретации фактов. Установлена связь отдельных типов интерпретантов с вариантами поведения субъектов, а также с концепцией intersubjectивности.

По оценке автора, подобная концептуализация способна работать как посредническая модель, соединяющая различные научные традиции с помощью единого аппарата, позволяющего преодолеть расхождения между отдельными подходами через обращение к более общим характеристикам предмета. Построенная типология фактов имеет и практическое значение, особенно при изучении политического дискурса, когда центральным является спор о фактах. Она дает исследователю возможность не только сосредоточиться на определенных категориях фактов, но и, встречаясь с любыми

фактами, эффективно их категоризировать, определяя их ключевые характеристики.

Ключевые слова: факт, семиотика, знак, интерпретант, intersубъективность, речевой акт

Введение

В последнее время факты в политическом дискурсе привлекают все большее внимание со стороны медиа, научного сообщества и широких общественно-политических кругов. Растет обеспокоенность содержанием информации, презентуемой в качестве фактов различными акторами¹. В американских выборных циклах чаще, чем прежде, в адрес политиков звучат обвинения в дезинформации общественности (особенно в связи с деятельностью Дональда Трампа²). Как следствие, получили развитие институты и практики проверки фактов (фактчекинг), которые сами стали объектом растущего числа академических исследований³.

В литературе есть тенденция представлять эту проблематику как нечто новое⁴, однако интерес к ней прослеживается еще со времен Аристотеля. Производство фактов изучается в рамках различных направлений риторики и критического дискурса-анализа, к нему обращаются исследователи публичной сферы и эпистемических сообществ. Тем не менее на сегодняшний день так и не было разработано достаточно ясной и широко применимой концептуализации факта; соответственно, отсутствует и типология фактов, которую можно было бы использовать для задач дискурса-анализа. Именно с этим отчасти связано кажущееся бессилие общества перед наплывом разного рода сомнительной информации.

Цель концептуализации и последующего изучения политических фактов состоит в том, чтобы понять механизмы использования языка для построения и форматирования политической реальности. Дискурс-анализ показывает, как политические акторы задействуют язык, чтобы влиять на общественное мнение и результаты политики⁵. Путем исследования политического дискурса можно определить основные пресуппозиции, ценности и идеологии, которые формируют политические факты и убеждения⁶.

Анализируя язык, используемый политическими акторами, мы можем вскрыть способы, с помощью которых доминирующие группы производят политические факты и нарративы для сохранения своей власти и привилегий⁷. В свою очередь изучение политических фактов помогает понять сложные динамические механизмы, посредством которых язык формирует политическую реальность, а также выявить логику и возможные направления изменений этой реальности.

В настоящей статье мы постараемся предложить и обосновать такую концептуализацию фактов, которая могла бы работать как эффективная посредническая модель, соединяющая различные традиции

¹ Mitchell et al. 2019; McGregor and Kreiss 2020.

² Greenberg 2016; Baker 2020.

³ Nieminen and Rapeli 2018.

⁴ Одно из проявлений этой тенденции — распространение таких терминов, как «постправда» и «альтернативные факты».

⁵ Hajer 1995.

⁶ Van Dijk 2001.

⁷ Bartels 2018.

за счет общего аппарата. На наш взгляд, достижения современной семиотики делают эту задачу вполне разрешимой. Для демонстрации потенциала предлагаемой концептуализации на ее основе будет построена общая типология фактов. Подобная типология имеет и практическое значение для изучения дискурса, особенно политического, когда центральным является спор о фактах. Она даст возможность исследователю, во-первых, сосредоточиться на определенных категориях фактов, во-вторых, встречаясь с любыми фактами, эффективно их категоризировать, определяя их ключевые характеристики.

**Факты
объективные,
субъективные
и другие**

Разговор о политических фактах полезно начать с определения этого понятия. Что такое факт в политической науке? В зависимости от научно-философской парадигмы данный термин может толковаться по-разному. Здесь противостоят, с одной стороны, эмпирическая и нормативная теории, с другой стороны, аналитическая и постмодернистская теории. Одни авторы стремятся выявить объективную истину о политике, чтобы затем соотнести с ней распространенные в политическом дискурсе положения и таким образом установить, что является фактом, а что нет. Другие делают упор на субъективную составляющую политики и любых «фактов», с ней связанных; в этом случае к «фактам» обычно относят то, что участники дискурса считают достоверным. Разница в подходах настолько велика, что их приверженцы зачастую не понимают друг друга⁸.

⁸ Karp 2009.

Предпринимались попытки навести мосты между этими подходами. Одна из них — теория конструирования общественной реальности Джона Сёрля⁹, где вводится понятие *институциональных фактов*, в которых соединяются субъективная составляющая, имеющая значение при производстве факта, и объективная составляющая, выражающаяся в том, что, когда общественная реальность уже сконструирована, она становится объективной. Объективными факты бывают тогда, когда они свободны от влияния чьих-либо предпочтений, оценок и моральных установок. Например, факт наличия в чьем-то кармане пяти долларов является институциональным, поскольку для его существования нужны общественные институты, такие как товарно-денежные отношения и финансовая система. Отдельную группу, по мысли Сёрля, образуют факты, не зависящие от общества вообще (например: вершина Эвереста покрыта льдом и снегом).

⁹ Searle 1995.

Подобное «наведение мостов» встретило поддержку многих исследователей, но далеко не всех¹⁰. Остаются как «чистые объективисты», так и «чистые субъективисты»: первые опасаются размыть значение для науки эмпирического опыта, вторые указывают на субъективный характер объективной (по Сёрлю) стороны институциональных фактов и субъективную обусловленность самих общественных институтов. Возможно, наиболее радикальной версии субъективизма придерживаются отдельные адепты лингвистического поворота в общественных

¹⁰ Bauböck 2008.

науках, отражающего признание особой важности языка в образовании смыслов, в частности Жак Деррида, Мишель Фуко и Лене Хансен. Согласно их представлениям, в известном смысле субъективно вообще все, о чем мы думаем и говорим, поскольку обусловлено языком, который есть постоянно меняющийся продукт меняющегося общества¹¹.

¹¹ Hendricks 2016.

Некоторые авторы видят путь к преодолению дилеммы объективности и субъективности в концепции интересубъективности, которая, впрочем, трактуется по-разному. В настоящей работе вслед за Алексом Гиллеспи и Флорой Корниш мы понимаем интересубъективность как «частично разделяемый [участниками дискурса] и в значительной степени самоочевидный [для них] смысловой фон, который они имеют в виду, когда что-либо говорят или делают»¹². Этот фон есть временная конвенция, которая постоянно пересматривается и меняется в процессе трансформации смыслов в результате действий (в широком смысле) интерлокуторов. Поэтому любой одномоментный «снимок» интересубъективной реальности обретает смысл только в динамике, во взаимоотношениях с другими «снимками». В связи с интересубъективной реальностью появляется возможность вести речь о свойственных ей интересубъективных фактах, то есть фактах, отражающих достигнутые в ходе коммуникации акторов временные конвенции.

¹² Gillespie and Cornish 2010: 19–21.

Интерсубъективность позволяет продемонстрировать, что объективные в глазах многих факты на самом деле ведут происхождение от субъективных «выдумок», в свое время занимавших маргинальное место в дискурсе, а некоторые маргинальные сегодня положения когда-то считались общепризнанными «объективными» истинами. История науки изобилует примерами обоих типов трансформаций — достаточно вспомнить законы Грегора Менделя, не нашедшие признания при жизни автора, или теорию относительности Альберта Эйнштейна, которая положила конец распространенным прежде теориям эфира. Сходные трансформации присущи и политическим дискурсам. Так, не далее чем в XIX в. американское общество находило оправдания рабству, и до 60-х годов прошлого столетия американцы африканского происхождения были ограничены в гражданских правах. Эта ситуация, которую в современном обществе невозможно себе представить, поддерживалась политическими, правовыми, религиозными институтами, где уважением пользовались «факты», доказывавшие естественность неравенства, а те, что утверждали обратное, были маргинализованы.

Каким именно образом происходят подобные трансформации, помогает понять анализ дискурса — средств языка и коммуникативных практик. Взаимодействуя между собой, *знаки* теряют прежние смыслы и обретают новые, некоторые *знаки* выходят из употребления, другие наращивают свое присутствие в дискурсе. В результате накопления малозаметных изменений в конечном итоге коренным образом меняется вся интересубъективная реальность.

Политические факты: их отличия и характерные признаки

Неоднозначность применения фактов в политике замечена давно. С одной стороны, у исследователей всегда было желание «добраться до истины» — найти способ определять, что в политической речи правда, а что вымысел. С другой стороны, сама сущность политики как борьбы за власть заставляет задуматься о том, имеет ли та самая «истина» вообще какое-либо значение с точки зрения стоящих перед политиками задач.

¹³ Easton 1953: 220—227.

Дэвид Истон предложил разделить политические факты на две категории: эмпирические факты и факты нормативные¹³. Эмпирические факты — это объективные наблюдаемые явления, которые можно измерить и проанализировать с помощью научных методов, таких как статистический анализ или эксперимент. Нормативные факты в свою очередь представляют собой субъективные суждения о должном, основанные на моральных или этических посылах.

К категории эмпирических относится, например, тот факт, что на промежуточных выборах в США явка, как правило, ниже, чем на президентских выборах. Этот факт поддается изучению с помощью статистических данных, и он может дать политикам и политтехнологам информацию о том, как привлечь избирателей к участию в промежуточных выборах.

Напротив, тот факт, что демократия является желательной формой правления, поскольку она обеспечивает права человека и способствует равенству, следует квалифицировать как нормативный, ибо он базируется на нормативном суждении о том, что морально правильно, а не на объективных эмпирических данных.

Такое разделение может вызвать двоякого рода возражения. Во-первых, многие исследователи демократии, сравнивая ее с авторитаризмом, приводят эмпирические данные в пользу ее предпочтительности. Во-вторых, как показывает практика, даже самые «твердые» эмпирические факты могут подвергаться сомнению, оспариваться или просто игнорироваться, а также применяться для доказательства противоположных мнений. Таким образом, независимо от своего содержания политический факт содержит прагматический и риторический потенциал, который полезно изучить отдельно, оставив за скобками вопрос о соответствии или несоответствии факта объективной истине.

¹⁴ Lasswell 1935: 3.

Согласно известному определению Гарольда Дуайта Лассуэлла, основное содержание и смысл политики состоят во властном распределении ценностных моделей в обществе¹⁴. Это краткое определение фиксирует несколько ключевых аспектов политики. Во-первых, оно включает в себя идею о том, что распределение в обществе ресурсов, благ и возможностей зависит от присущих этому обществу ценностей. Во-вторых, оно подчеркивает роль власти в политике. В любом социуме есть лица и группы, занимающие главенствующие позиции и способные принимать решения, влияющие на распределение ресурсов. В их число могут входить политические лидеры, руководители предприятий, общественные организаторы. Наконец, оно указывает на внутренне нормативный

характер политики. При распределении ресурсов утверждаются или закрепляются определенные ценности и приоритеты. Политические решения отражают конкретные представления о том, что в обществе важно или желательно, и могут иметь серьезные последствия для отдельных лиц и сообществ. В целом данное определение обеспечивает фундамент для понимания природы и динамики политического дискурса.

С точки зрения политического дискурс-анализа и политической семиотики разница между политическими фактами и фактами вообще заключается в том, как они конструируются и применяются в политическом дискурсе. Политические факты — это не просто объективные, нейтральные описания реальности; они призваны решать политические задачи, а потому наполняются политическим смыслом и значением¹⁵.

¹⁵ Machin 2013.

Политические факты конструируются и используются акторами для продвижения собственных планов, влияния на общественное мнение и получения определенных результатов. Они встроены в более широкие нарративы и дискурсы, отражающие основные идеологии и динамику власти. Политические факты могут оспариваться, и в зависимости от своих интересов и целей разные политические деятели могут создавать разные версии одного и того же факта¹⁶.

¹⁶ Zarefsky 2010.

Таким образом, политический дискурс-анализ и политическая семиотика выдвигают на первый план способы производства, применения и оспаривания политических фактов в рамках политического дискурса. Анализируя конструирование и использование политических фактов, исследователи могут получить представление о динамике отношений по поводу власти, а также об идеологических структурах, которые формируют политический дискурс и определяют результаты политики.

Политический дискурс-анализ и политическая семиотика — тесно связанные области, в которых основное внимание уделяется способам применения языка для построения смыслов, в особенности политических. Но если политический дискурс-анализ фокусируется в первую очередь на устной и письменной речи, то политическая семиотика задействует более широкий подход, исследуя также визуальные образы, жесты и материальные объекты.

Как отмечает Норман Фэркло, в современном обществе тексты становятся все более мультисемиотическими: язык сочетается в них с другими формами, такими как визуальные образы, музыка и графический дизайн. Это относится не только к телевидению, но и к печатным текстам, которые все чаще включают фотографии и диаграммы. Хотя язык сохраняет свое значение, крайне важно выяснить, как различные модальности взаимодействуют в мультисемиотических текстах¹⁷. И политический дискурс-анализ, и политическая семиотика стремятся понять, как семиотические ресурсы используются для построения политических значений и как они формируют политический дискурс и динамику отношений по поводу власти.

¹⁷ Fairclough 1995: 4.

По словам Гюнтера Кресса и Тео ван Леувена, социальная семиотика занимается изучением практик смыслообразования, которые

¹⁸ Kress and van Leeuwen 1996: 7–13.

никогда не бывают нейтральными или объективными, но всегда формируются (властными) отношениями в обществе¹⁸. Таким образом, социальная семиотика по своей сути является политической, поскольку имеет дело с обсуждением значений и отношений между социальными группами. Подчеркивая политическую природу смыслообразования и коммуникации, это заключение указывает на важность исследования способов применения языка и других семиотических ресурсов для построения политических фактов, нарративов и идеологий.

Сочетание методов политического дискурс-анализа и политической семиотики позволяет получить более полное представление о том, каким образом язык и иные семиотические ресурсы используются для конструирования и оспаривания политических смыслов, а также о том, каким образом они сами формируются более широкой динамикой властных отношений и идеологическими установками. Подобный междисциплинарный подход помогает прояснить как работу власти в политическом дискурсе, так и механизмы социальных и политических изменений.

**Семиотика:
общая, частная
и другая**

Семиотика давно претендует на роль посредника между различными дисциплинами и исследовательскими направлениями, на первый взгляд имеющими между собой мало общего. Эта тенденция, восходящая к идеям Чарльза Морриса о «чистой семиотике»¹⁹, обрела сегодня новое дыхание²⁰.

¹⁹ Morris 1938.

²⁰ Ильин 2014.

За последние десятилетия был проделан путь от общей семиотики Фердинанда де Соссюра и Чарльза Сандерса Пирса к частным, прикладным семиотикам отдельных дисциплин. Эти прикладные семиотики получили настолько сильное развитие, что утратили непосредственную связь с общей семиотикой, тем самым поставив под удар изначальную амбицию Морриса создать общий язык для всех наук. Тем не менее в последнее время были сделаны важные шаги для восстановления связи общей и частных семиотик, по крайней мере в общественных науках. Здесь стоит упомянуть, в частности, работу Ивана Фомина о логономических знаках²¹, где развивается концепция логономических систем, предложенная Робертом Ходжем и Гюнтером Крессом²² для социальной семиотики на основе усовершенствованных пирсовских моделей знака. В качестве логономических Фомина квалифицирует «общественно разработанные знаки, которые ограничивают мультимодальный семиозис, определяя, кто может производить какие именно знаки и при каких обстоятельствах»²³. На наш взгляд, данный подход вполне применим и по отношению к фактам.

²¹ Fomin 2022.

²² Hodge and Kress 1988.

²³ Fomin 2022: 33.

²⁴ Peirce 2015.

Мы предлагаем трактовать факты как разновидность *знаков* в терминологии Пирса²⁴. Такая концептуализация позволит в определенной степени преодолеть присущие современной политической науке расхождения в толковании понятия факта, поскольку обращается к наиболее общим параметрам рассматриваемого предмета. Обсуждая факты

в (политическом) дискурсе как *знаки*, мы связываем социальную семиотику с семиотикой общей. Для такого обсуждения недостаточно одних только пирсовских моделей или одних только особенностей дискурсивного наполнения, нам важны переходы от одного к другому. Поэтому вначале опишем факты как общую категорию, а затем перейдем к их специальным характеристикам.

Согласно определению Пирса, «*Знак <...>* есть нечто, репрезентирующее что-то другое, его *Объект*, для любого ума, который может его таким образом *Интерпретировать*»²⁵. Соответственно, *факт как разновидность знака* есть обладающее иллокутивной силой высказывание, репрезентирующее некоторое положение вещей *для ума, интерпретирующего эту репрезентацию в качестве претендующей на достоверность*. Если же говорить о *политическом* факте, то это факт, интерпретация которого мотивирована политической логикой (в понимании Лассуэлла).

Поскольку репрезентируемое положение вещей воспринимается субъектом как внешнее по отношению к высказыванию, оно играет роль Объекта пирсовской триады. Претензия репрезентации на достоверность в глазах интерпретирующего субъекта — условие, отличающее собственно факт: когда высказывание перестает восприниматься как достоверное, вся трехчастная конструкция выпадает для данного субъекта из разряда фактов.

Иногда разделяют факты и коммуникацию по поводу фактов. Мы считаем такое разделение излишним. Развивая предложенную Джоном Остином теорию речевых актов, Сёрль выделил два типа речевых актов — прямые и не прямые²⁶. Оба типа наделены иллокутивной силой, то есть являются по сути своей *действиями*, совершаемыми в разговоре и имеющими определенную цель или выполняющими определенную функцию. Но проявляется эта иллокутивная сила по-разному. В *прямых* речевых актах присутствует непосредственная связь между формой иллокутивного акта и его функцией (как, например, в высказывании на церемонии бракосочетания: «объявляю вас мужем и женой»). Подобного рода высказывания обычно и имеют в виду, когда говорят об иллокутивных актах. В *непрямых* речевых актах функция иллокутивного акта не связана эксплицитно с его структурой (например: «на улице дождь»). На первый взгляд может показаться, что подобное нарративное (констативное) высказывание не содержит в себе действия, или иллокутивной силы, но на самом деле эта сила присутствует в любом осмысленном высказывании. В приведенном примере целью может быть побуждение собеседника к тому, чтобы остаться дома или взять с собой зонт при выходе на улицу, или приглашение к общению. Истинный смысл высказывания может быть неясен адресату, в этом случае коммуникацию следует охарактеризовать как неуспешную.

Другими словами, речевые акты — не только перформативы, но также и нарративы (констативы) — всегда суть *действия*. Таким же действием, на наш взгляд, является и любой *факт* как один из вариантов

(или возможных содержаний) речевого акта по Сёрлю, хотя мы и привыкли воспринимать факты как события.

Опираясь на приведенное понимание речевых актов, можно определить место фактов в пирсовской классификации знаков.

Правомерно предположить, что любой факт с точки зрения его внутренней структуры потенциально раскладывается на всю пирсовскую классификацию (легисайн, синсайн, квалисайн). Можно представить себе факты-индексы, факты-символы и факты-иконы. Но хотя опыт подобной типологизации по-своему интересен, вряд ли он даст нам что-то новое в понимании именно фактов (в отличие от других типов знаков). Полезнее обратить внимание на то, что присуще собственно фактам, а именно на ту иллюкутивную силу, которую они в себе содержат. Эта сила проявляется в той или иной *интерпретации* (ожидаемой и/или реальной) знака интерпретирующим субъектом, которому знак адресован. Здесь нам поможет предложенная Пирсом классификация интерпретантов.

Интерпретация фактов в политическом дискурсе

²⁷ *Hardwick (ed.) 1977.*

²⁸ *Liszka 1990.*

Классификация интерпретантов Пирса существует в нескольких вариантах, которые в значительной мере пересекаются и дополняют друг друга²⁷. Речь идет не о разных основаниях классификации, а скорее о разных способах ее практического применения, например, для описания конкретных человеческих взаимодействий или для семиозиса *per se*. Возьмем вариант, подразделяющий интерпретанты на *эмоциональные, энергетические и логические*²⁸, так как данное деление, судя по всему, имеет наибольшее значение для человеческой коммуникации. Эмоциональный интерпретант отражает чувство, вызываемое знаком; энергетический — действие, порождаемое знаком (или совершаемое по отношению к знаку); логический — всю полноту смысла знака, которую потенциально можно раскрыть в коммуникации, но которая не обязательно доступна конкретному интерпретирующему субъекту.

Поскольку, как мы показали ранее, факты в дискурсе представляют собой действия (хотя порой и кажутся событиями), такая классификация возможна и для фактов. В процессе интерпретации фактов субъект совершает ряд действий. Во-первых, он эмоционально реагирует на факт (положительно или отрицательно). Во-вторых, он выбирает, актуализировать ли факт в дискурсе или «забыть» о нем. В-третьих, актуализируя факт, он может принять его как подлинный или усомниться в его истинности. В-четвертых, он может модифицировать факт в соответствии со своими интересами. Во всех этих случаях желания и возможности субъекта ограничены желаниями и возможностями других субъектов, с которыми он взаимодействует в рамках дискурса. Другие субъекты тоже решают, какие именно факты воспроизводить, как к ним относиться и каким образом их модифицировать. Политик, как правило, не в состоянии предъявить обществу для обсуждения любую пришедшую ему в голову идею, которая бы послужила продвиже-

нию его интересов, будь она принята всеми как факт. Он вынужден действовать в пределах коридора возможностей, выход за которые чреват для него негативными последствиями. Актуализировать приходится такие факты, которые встречают достаточно серьезное отношение у адресатов послания. Пренебрегать ограничениями политик не будет если не из любви к объективной истине или стремления к общественному консенсусу, то потому, что такое пренебрежение способно повредить его претензиям на власть²⁹. Эти подразумеваемые конвенции, ограничивающие и направляющие дискурс, и есть intersubjectивность, которой в классификации Пирса будет соответствовать логический знак, то есть потенциал интерпретации факта на intersubjectивном уровне.

²⁹ *Подробнее о том, как общественная структура и политическая власть придают смысл информации, см., напр. Sinha 2022.*

Другой разновидностью классификации интерпретантов Пирса является подразделение их на *интенциональные*, *эффектуальные* и *коммуникативные*³⁰. Этим категориям соответствуют: 1) настроение ума говорящего субъекта, 2) настроение ума интерпретирующего субъекта и 3) настроение ума, в который умы первых двух субъектов должны слиться, чтобы коммуникация состоялась. Для нас важно, что при актуализации фактов в дискурсе описанные выше действия совершают говорящий субъект, интерпретирующий субъект, а также intersubjectивность, в которой представлены они оба. Поскольку набор совершаемых действий для любого субъекта (количество которых в дискурсе может быть очень большим) будет одним и тем же, мы далее рассмотрим варианты ориентации единичного субъекта по отношению к факту. Все эти варианты можно разместить в модели с тремя измерениями — актуализация/игнорирование, принятие/отвержение, сохранение/модификация. Представим эту трехмерную модель в виде трех двухмерных таблиц (см. *табл. 1–3*).

³⁰ *Hardwick (ed.) 1977.*

В образованной при наложении данных таблиц друг на друга трехмерной кубической модели оказываются представлены восемь типов фактов (по отношению к ним субъекта): актуализируемые принимаемые сохраняемые, актуализируемые принимаемые модифицируемые, актуализируемые отвергаемые сохраняемые, актуализируемые отвергаемые модифицируемые, игнорируемые принимаемые сохраняемые, игнорируемые принимаемые модифицируемые, игнорируемые отвергаемые сохраняемые, игнорируемые отвергаемые модифицируемые.

Отдельно взятый факт можно с уверенностью отнести к той или иной категории только в определенный момент времени и применительно к конкретному случаю интерпретации, так как в другой момент времени, заново интерпретируя тот же факт, субъект может выстроить с ним другую систему отношений. Например, категория игнорируемых фактов подразумевает, что по отношению к рассматриваемому факту субъект является пассивным участником дискурса (что не мешает ему строить в своем уме некие отношения с указанным фактом); в изменившихся условиях субъект может стать активным участником дискурса, переведя факт в категорию актуализируемых.

Таблица 1 Типология фактов по принятию/актуализации

<i>Принятие / отвержение</i>	принимаемые	отвергаемые
<i>Актуализация / игнорирование</i>		
актуализируемые	актуализируемые принимаемые	актуализируемые отвергаемые
игнорируемые	игнорируемые принимаемые	игнорируемые отвергаемые

Таблица 2 Типология фактов по принятию/сохранению

<i>Принятие / отвержение</i>	принимаемые	отвергаемые
<i>Сохранение / модификация</i>		
сохраняемые	сохраняемые прини- маемые	сохраняемые отвер- гаемые
модифицируемые	модифицируемые принимаемые	модифицируемые отвергаемые

Таблица 3 Типология фактов по актуализации/модификации

<i>Актуализация / игнорирование</i>	актуализируемые	игнорируемые
<i>Сохранение / модификация</i>		
сохраняемые	актуализируемые сохраняемые	игнорируемые сохраняемые
модифицируемые	актуализируемые модифицируемые	игнорируемые модифицируемые

³¹ Среди этих характеристик центральную роль играет политическая идеология. Классификация политических идеологий в зависимости от разделяемых субъектами ценностей представлена в: Казаков 2023.

Какой именно вариант отношений с фактом выберет субъект, зависит от множества обстоятельств — эмоциональной реакции субъекта на факт, параметров Знакового средства, характеристик самого субъекта³¹ и его отношений с другими субъектами, а также от возможного вмешательства того, что воспринимается как Объект (отражаемое фактом положение вещей в объективной реальности). Все это предопределяет особенности интерпретации и, как следствие, тот или иной вариант отношений субъекта с фактом. Далее результирующий знак вступает во взаимодействие с результирующими знаками других субъектов, возникшими в ходе аналогичного процесса, и вместе они порождают интерсубъективную реальность, которая в свою очередь воздействует на них.

Об одном и том же факте можно рассуждать с точки зрения говорящего субъекта, с точки зрения субъекта воспринимающего и с точки зрения общей для них интерсубъективной реальности (для каждого будет актуальна своя система отношений с фактом, которую можно описать при помощи предлагаемой модели).

Конечно, здесь могут возникнуть сомнения в правомерности включения в классификацию отвергаемых обществом (маргинальных) фактов, которые едва ли можно отнести к фактам в традиционном смысле слова. На это ответим, что данная категория необходима хотя бы в качестве умозрительной противоположности принимаемым обществом (общепризнанным) фактам. Не будем забывать и о том, что факты, маргинальные в одном дискурсе, вполне могут быть общепризнанными в другом³². Так, в современном западном обществе при конструировании консенсуса часто ссылаются на авторитет права и науки, но, во-первых, так было не всегда, а во-вторых, в других обществах гораздо более значим авторитет религии³³. Кроме того, между собственно научкой и расхожими представлениями о ней, в том числе доминирующими в умах практикующих западных политиков, есть существенная разница³⁴. Если мы хотим обрести инструментарий для исследования любых политических дискурсов независимо от историко-географических ограничений, стоит отказаться от излишнего сциентизма в типологизации фактов и быть готовыми воспринять позицию изучаемого субъекта, какой бы она ни была.

Формирующее дискурс общество, а точнее, его коллективный Интерпретант имеет свою уникальную особенность, которой нет у отдельных его частей: факты в нем не только конструируются, но и оспариваются — по тем же разделительным линиям. Противоречивые тенденции к актуализации и игнорированию, принятию и отвержению, консервации и модификации, а также к модификации фактов в противоположных направлениях сталкиваются в дискурсе. Ситуации дискурсивного оспаривания фактов можно обнаружить как в статике (в отдельный момент времени), так и в динамике (количественные и качественные изменения с течением времени). Категория оспариваемых фактов увеличивает свое значение в периоды острых общественно-политических расколов по идеологическим линиям. Однако вопрос о том, почему и как это происходит, требует специального исследования.

Изучение оспариваемых фактов представляет, на наш взгляд, больший интерес, чем изучение фактов общепризнанных или маргинальных, поскольку именно они генерируют наиболее серьезные политические разломы. Политики могут спорить не только о фактах, но и, например, о том, как следует относиться к общепризнанным фактам, какие цели следует считать приоритетными для общества и какие методы использовать для их достижения. Расширенный набор возможных предметов политического спора предлагает риторический анализ³⁵. Но когда этим предметом становятся сами факты (по линии принятие/отвержение), для споров другого типа зачастую не остается места.

³² Подробнее о культурных различиях дискурсов см., напр. Carbaugh 2007.

³³ Needham 1964.

³⁴ См., напр. Moscovici 1984.

³⁵ Finlayson 2007.

Невозможность разрешить указанный спор приводит к взаимному отчуждению сторон и поляризации политического пространства, что говорит о глубоких общественных противоречиях³⁶. Анализ политического дискурса позволяет понять природу таких противоречий.

³⁶ Tucker et al. 2018.

Библиография

Ильин М.В. (2014) «Методологический вызов. Что делает науку единой? Как соединить разбеденные сферы познания?» // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Вып. 4: Поверх методологических границ*. М.: ИНИОН РАН: 6—11.

Казаков И.В. (2023) «Происхождение и классификация политических идеологий: междисциплинарный подход» // *Политическая наука*, № 1: 322—337.

Baker P. (2020) «Dishonesty Has Defined the Trump Presidency. The Consequences Could Be Lasting» // *New York Times*, 3.11. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/01/us/politics/trump-presidency-dishonesty.html> (accessed on 23.02.2023).

Bartels L.M. (2018) *Unequal Democracy: The Political Economy of the New Gilded Age*. Princeton: Princeton University Press.

Bauböck R. (2008) «Normative Political Theory and Empirical Research» // Della Porta D. and M.Keating, eds. *Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press: 40—60.

Carbaugh D. (2007) «Cultural Discourse Analysis: Communication Practices and Intercultural Encounters» // *Journal of Intercultural Communication Research*, vol. 36, no. 3: 167—182.

Cutting J. (2002) *Pragmatics and Discourse*. London: Routledge.

Easton D. (1953) *The Political System: An Inquiry into the State of Political Science*. New York: Alfred A. Knopf.

Fairclough N. (1995) *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Routledge.

Finlayson A. (2007) «From Beliefs to Arguments: Interpretive Methodology and Rhetorical Political Analysis» // *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 9, no. 4: 545—563.

Fomin I. (2022) «Logonomic Signs as Three-Phase Constraints of Multimodal Social Semiosis» // *Semiotica*, no. 247: 33—54.

Gillespie A. and F.Cornish. (2010) «Intersubjectivity: Towards a Dialogical Analysis» // *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 40, no. 1: 19—46.

Greenberg D. (2016) «Are Clinton and Trump the Biggest Liars Ever to Run for President?» // *POLITICO Magazine*, July/August. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/07/2016-donald-trump-hillary-clinton-us-history-presidents-liars-dishonest-fabulists-214024> (accessed on 23.02.2023).

Hajer M.A. (1995) *The Politics of Environmental Discourse: Ecological Modernization and the Policy Process*. Oxford: Clarendon Press.

Hardwick Ch., ed. (1977) *Semiotic and Significs: The Correspondence between Charles S. Peirce and Victoria Lady Welby*. Bloomington: Indiana University Press.

Hendricks G.P. (2016) «Deconstruction the End of Writing: „Everything Is a Text, There Is Nothing Outside Context“» // *Verbum et Ecclesia*, vol. 37, no 1: 1–9.

Hodge R. and G.Kress. (1988) *Social Semiotics*. Ithaca: Cornell University Press.

Karp D.J. (2009) «Facts and Values in Politics and Searle's Construction of Social Reality» // *Contemporary Political Theory*, vol. 8, no. 2: 152–175.

Kress G. and T. van Leeuwen. (1996) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London: Routledge.

Lasswell H.D. (1935) *World Politics and Personal Insecurity*. New York: McGrawHill.

Liszka J.J. (1990) «Peirce's Interpretant» // *Transactions of the Charles Sanders Peirce Society*, vol. 26, no. 1: 17–62.

Machin D. (2013) «What Is a Political Fact?» // Van den Berg H.E., A.P.Muntjewerff, and A.Muskens, eds. *Critical Discourse Studies in Context and Cognition*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company: 111–127.

McGregor S.C. and D.Kreiss. (2020) «Americans Are Too Worried About Political Misinformation» // *Slate Magazine*, 30.10. URL: <https://slate.com/technology/2020/10/misinformation-social-media-election-research-fear.html> (accessed on 23.01.2023).

Mitchell A., C.Blazina, G.Stocking, M.Walker, and S.Fedeli. (2019) «Many Americans Say Made-Up News Is a Critical Problem That Needs to Be Fixed» // *Pew Research Center*, 5.06. URL: <https://www.journalism.org/2019/06/05/many-americans-say-made-up-news-is-a-critical-problem-that-needs-to-be-fixed/> (accessed on 23.02.2023).

Morris C. (1938) *Foundations of the Theory of Signs*. Chicago: University of Chicago Press.

Moscovici S. (1984) «The Phenomenon of Social Representations» // Farr R.M. and S.Moscovici, eds. *Social Representations*. Cambridge: Cambridge University Press: 3–69.

Needham J. (1964) «Science and Society in East and West» // *Science and Society*, vol. 28, no. 4: 385–408.

Nieminen S. and L.Rapeli. (2018) «Fighting Misperceptions and Doubting Journalists' Objectivity: A Review of Fact-checking Literature» // *Political Studies Review*, vol. 17, no. 3: 296–309.

Peirce C.S. (2015) «Sign [From „Essays on Meaning. Preface“ (1909)]» // *Commens: Digital Companion to C.S.Peirce*. URL: <http://www.commens.org/dictionary/entry/quote-essays-meaning-preface> (accessed on 23.02.2023).

Searle J.R. (1995) *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press.

Sinha C. (2022) «Liberating Data: Politics of Reality in Interdisciplinary Social Psychology» // *Integrative Psychological and Behavioral Science*, February: 1–22.

Tucker J.A., A.Guess, P.Barbera, C.Vaccari, A.Siegel, S.Sanovich, D.Stukal, and B.Nyhan. (2018) *Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature*. Official report prepared for the William and Flora Hewlett Foundation. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/6924/de9691e8f1bb5477da3907e2f5372ad0e565.pdf?_gl=1*d1jko4*_ga*MjE0Njg3NzUzNC4xNjM1MTcxMjly*_ga_H7P4ZT52H5*MTY4MTU3OTIxNi4xNS4wLjE2ODE1NzkyMTkuMC4wLjA (accessed on 15.04.2023).

Van Dijk T.A. (2001) «Critical Discourse Analysis» // Tannen D., D.Schiffrin, and H.Hamilton, eds. *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Blackwell Publishers: 352—371.

Zarefsky D. (2010) «Political Discourse» // Wodak R. and M.Meyer, eds. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage: 94—115.

πολιτικά

I.V.Kazakov

POLITICAL FACTS AND PRODUCTION OF MEANINGS IN DISCOURSE

Ilya V. Kazakov — Ph.D. Candidate at the Department of Politics and Governance, HSE University; Assistant at the Department of Philosophy and Theology, Pskov State University. E-mail: i.v.kazakov@list.ru.

Abstract. The article proposes conceptualization of a political fact as a semiotic sign, based on Peirce’s models, which were reexamined by a number of modern researchers and filled with a discursive content. Facts are defined as statements with illocutionary power that represent a state of affairs to the mind, which interprets that representation as valid. Political facts differ from others in that the process of their interpretation is politically motivated i.e., pragmatically and normatively. Fact is also considered as a special case of a speech act: following John Searle, the author believes that such acts are always illocutionary, although there is not always a direct connection between the structure of an utterance and its intended meaning

On the basis of such understanding of facts and Peirce’s classification of interpretants, the author builds semiotic typology of facts. He distinguishes between eight types of facts depending on the position of an interpretant in relation to a sign. All types of facts are located in a three-dimensional conceptual model, which is presented in the article in three tables. The author reveals possible prerequisites that determine a subject’s choice of this or the other mode of the interpretation of facts. The author finds a connection between certain

types of interpretants with behavioral choices of subjects, as well as with the concept of intersubjectivity.

According to the author, such conceptualization can work as an intermediary model that connects various scientific traditions via a single apparatus that allows overcoming the differences between individual approaches through an appeal to more general characteristics of the subject. The constructed typology of facts also has practical significance, especially in the study of political discourse, where dispute about facts plays a central role. It gives a researcher an opportunity not only to focus on certain categories of facts, but also, when faced with any facts, to effectively categorize them, identifying their key characteristics.

Keywords: fact, semiotics, sign, interpretant, intersubjectivity, speech act

References

- Baker P. (2020) “Dishonesty Has Defined the Trump Presidency. The Consequences Could Be Lasting” // *New York Times*, 3.11. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/01/us/politics/trump-presidency-dishonesty.html> (accessed on 23.02.2023).
- Bartels L.M. (2018) *Unequal Democracy: The Political Economy of the New Gilded Age*. Princeton: Princeton University Press.
- Bauböck R. (2008) “Normative Political Theory and Empirical Research” // Della Porta D. and M.Keating, eds. *Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press: 40–60.
- Carbaugh D. (2007) “Cultural Discourse Analysis: Communication Practices and Intercultural Encounters” // *Journal of Intercultural Communication Research*, vol. 36, no. 3: 167–182.
- Cutting J. (2002) *Pragmatics and Discourse*. London: Routledge.
- Easton D. (1953) *The Political System: An Inquiry into the State of Political Science*. New York: Alfred A. Knopf.
- Fairclough N. (1995) *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Routledge.
- Finlayson A. (2007) “From Beliefs to Arguments: Interpretive Methodology and Rhetorical Political Analysis” // *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 9, no. 4: 545–563.
- Fomin I. (2022) “Logonomic Signs as Three-Phase Constraints of Multimodal Social Semiosis” // *Semiotica*, no. 247: 33–54.
- Gillespie A. and F.Cornish. (2010) “Intersubjectivity: Towards a Dialogical Analysis” // *Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 40, no. 1: 19–46.
- Greenberg D. (2016) “Are Clinton and Trump the Biggest Liars Ever to Run for President?” // *POLITICO Magazine*, July/August. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/07/2016-donald-trump-hillary-clinton-us-history-presidents-liars-dishonest-fabulists-214024> (accessed on 23.02.2023).

Hajer M.A. (1995) *The Politics of Environmental Discourse: Ecological Modernization and the Policy Process*. Oxford: Clarendon Press.

Hardwick Ch., ed. (1977) *Semiotic and Signifcics: The Correspondence between Charles S. Peirce and Victoria Lady Welby*. Bloomington: Indiana University Press.

Hendricks G.P. (2016) “Deconstruction the End of Writing: „Everything Is a Text, There Is Nothing Outside Context“” // *Verbum et Ecclesia*, vol. 37, no 1: 1—9.

Hodge R. and G.Kress. (1988) *Social Semiotics*. Ithaca: Cornell University Press.

Ilyin M.V. (2014) “Metodologicheskij vyzov. Chto delaet nauku edinoj? Kak soedinit’ raz’edinennye sfery poznanija?” [Methodological Challenge. What Makes Science Unified? How to Connect the Disconnected Spheres of Knowledge?] // *METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin. Vyp. 4: Poverkh metodologicheskikh granits* [METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies. Issue 4: Crossing Methodological Boundaries]. Moscow: INION RAN: 6—11. (In Russ.)

Karp D.J. (2009) “Facts and Values in Politics and Searle’s Construction of Social Reality” // *Contemporary Political Theory*, vol. 8, no. 2: 152—175.

Kazakov I.V. (2023) “Proiskhozhdenie i klassifikatsija politicheskikh ideologij: mezhdistsiplinarnyj podkhod” [The Origins and Classification of Ideologies: A Multidisciplinary Approach] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 1: 322—337. (In Russ.)

Kress G. and T. van Leeuwen. (1996) *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London: Routledge.

Lasswell H.D. (1935) *World Politics and Personal Insecurity*. New York: McGrawHill.

Liszka J.J. (1990) “Peirce’s Interpretant” // *Transactions of the Charles Sanders Peirce Society*, vol. 26, no. 1: 17—62.

Machin D. (2013) “What Is a Political Fact?” // Van den Berg H.E., A.P.Muntjewerff, and A.Muskens, eds. *Critical Discourse Studies in Context and Cognition*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company: 111—127.

McGregor S.C. and D.Kreiss. (2020) “Americans Are Too Worried About Political Misinformation” // *Slate Magazine*, 30.10. URL: <https://slate.com/technology/2020/10/misinformation-social-media-election-research-fear.html> (accessed on 23.01.2023).

Mitchell A., C.Blazina, G.Stocking, M.Walker, and S.Fedeli. (2019) “Many Americans Say Made-Up News Is a Critical Problem That Needs to Be Fixed” // *Pew Research Center*, 5.06. URL: <https://www.journalism.org/2019/06/05/many-americans-say-made-up-news-is-a-critical-problem-that-needs-to-be-fixed/> (accessed on 23.02.2023).

Morris C. (1938) *Foundations of the Theory of Signs*. Chicago: University of Chicago Press.

Moscovici S. (1984) “The Phenomenon of Social Representations” // Farr R.M. and S.Moscovici, eds. *Social Representations*. Cambridge: Cambridge University Press: 3—69.

Needham J. (1964) “Science and Society in East and West” // *Science and Society*, vol. 28, no. 4: 385—408.

Nieminen S. and L.Rapeli. (2018) “Fighting Misperceptions and Doubting Journalists’ Objectivity: A Review of Fact-checking Literature” // *Political Studies Review*, vol. 17, no. 3: 296—309.

Peirce C.S. (2015) “Sign [From „Essays on Meaning. Preface“ (1909)]” // *Commens: Digital Companion to C.S.Peirce*. URL: <http://www.commens.org/dictionary/entry/quote-essays-meaning-preface> (accessed on 23.02.2023).

Searle J.R. (1995) *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press.

Sinha C. (2022) “Liberating Data: Politics of Reality in Interdisciplinary Social Psychology” // *Integrative Psychological and Behavioral Science*, February: 1—22.

Tucker J.A., A.Guess, P.Barbera, C.Vaccari, A.Siegel, S.Sanovich, D.Stukal, and B.Nyhan. (2018) *Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature*. Official report prepared for the William and Flora Hewlett Foundation. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/6924/de9691e8f1bb5477da3907e2f5372ad0e565.pdf?_gl=1*d1jko4*_ga*MjE0Njg3NzUzNC4xNjM1MTcxMjIy*_ga_H7P4ZT52H5*MTY4MTU3OTIxNi4xNS4wLjE2ODE1NzkyMTkuMC4wLjA (accessed on 15.04.2023).

Van Dijk T.A. (2001) “Critical Discourse Analysis” // Tannen D., D.Schiffrin, and H.Hamilton, eds. *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Blackwell Publishers: 352—371.

Zarefsky D. (2010) “Political Discourse” // Wodak R. and M.Meyer, eds. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage: 94—115.